

На следующий день Нин Сянлан уже вовсю носился по улице. Голова его всё ещё была замотана бинтами, но свежий, чистый воздух, который он жадно вдыхал всей грудью, казался настоящим спасением после больничной духоты.

Для гончарного дела нужны две вещи: хорошая глина и много чистой воды. В этом плане Хуцзявань устроилась идеально. Деревня примостилась у подножия бесконечной горной гряды, богатой залежами минералов, а под её боком шумела полноводная Хуаншацзян. Словно ласковые руки, Хуцзявань обнимала небольшая речушка — местные любовно звали её Малыми Желтыми Песками. Именно она и питала живительной влагой все окрестные обжиговые печи.

Самой крупной печью в округе была Шэнлун-яо — легендарная «Печь Восходящего Дракона», принадлежавшая его деду, Лао Ху. Стоило только разжечь в ней огонь, как в деревню устремлялись толпы: поставщики, перекупщики, мелкие торговцы и просто ценители изящной керамики съезжались со всех сторон, желая первыми заполучить свежие изделия.

Возвращение его матери, Ху Линцуй, вышло на редкость своевременным. Как раз сегодня её брат, дядя Да Мин, впервые самостоятельно руководил обжигом. И надо же было такому случиться: первая же проба подарила им настоящее чудо — бесценное «Сокровище печи»!

Выбежав на дорогу, Сяо Лан замер. К деревенской станции, погромыхивая, приближался старый двухкабинный трамвай — громоздкое чудо техники, списанное когда-то из столицы.

В его прошлой жизни эти трамваи на долгие годы исчезли с улиц, вернувшись лишь в далёком будущем. А прелесть «двухголовой» машины заключалась в том, что кабины машиниста располагались и спереди, и сзади. Доехав до конечной, разворачивать состав не приходилось: вожатый просто переходил в противоположный конец и ехал обратно.

В детстве Сяо Лан обожал этот маршрут. И всё благодаря вагоновожатой — бойкой, острой на язык женщине по имени Чжан Минь.

Она дружила с его матерью и души не чаяла в самом мальчишке. Зная, как мальчишки бредят всякой техникой, Чжан Минь во время перерывов часто затаскивала его в кабину. Она терпеливо показывала ему каждую деталь, объясняя, за что отвечает та или иная кнопка или рычаг.

Поняв, что за рулём может сидеть именно она, Сяо Лан припустил по тропинке, совершенно позабыв про дедушкины окрики в спину.

В памяти всплыло горькое воспоминание: когда-то между Чжан Минь и дядой Да Мином теплилось робкое, невысказанное чувство. Оба они были слишком гордыми и скрытными, прятали любовь в глубине души... И лишь после того, как дядя заживо сгорел в том страшном пожаре, Сяо Лан впервые увидел, как эта сильная, несгибаемая женщина безутешно рыдает.

На этот раз трагедии не бывать.

Мальчик глубоко вдохнул прохладный воздух, сжимая кулаки.

Он медленно бежал на коротких детских ножках, и когда он наконец одолел горбатый мостик и догнал вагон, пассажиры уже гурьбой высыпали на платформу.

Последние дни казались ему сплошным наваждением. Он замер у подножки, жадно вглядываясь в покрытые ржавчиной провода над головой, в облупившуюся зелёную краску на бортах... и в до боли знакомое лицо в кабине машиниста.

Он действительно вернулся. Туда, где беда ещё не успела постучаться в их дом.

Да, сейчас он слаб и мал, но в его крошечных ладонях теперь сосредоточена сила знания. Он защитит свою семью, сделает так, чтобы Хуцзявань процветала...

А завистники и подлецы, погубившие его близких, заплатят по счетам. До последнего гроша.

Дождавшись, пока схлынет людской поток, мальчик расплылся в широкой улыбке и ловко вскарабкался по высоким ступеням.

— Сестра Минь-Минь! — звонко закричал он прямо с порога. — Наконец-то приехала! Я так соскучился!

Чжан Минь покатила со смеху и, сцапав его за плечи, притянула к себе.

— Подлиза маленький! Умеешь же ты умаслить! До меня уже слухи по телефону дошли. Послушай меня, Сяо Лан: если кто-то ещё посмеет распустить руки, уворачивайся! А будет возможность — бей первым, чтобы неповадно было. Как выкрою минутку, обязательно научу тебя парочке приёмов самообороны.

Сяо Лан мысленно улыбнулся её боевому задору.

Чжан Минь всегда отличалась крутым нравом. Ещё в школе, когда военком отбирал парней в армию, она единственная из девчонок шагнула вперёд и громогласно спросила, берут ли девочек. И ведь добилась своего — отслужила два года в десанте!

А когда городское руководство решило доказать, что женщины способны наравне с мужчинами двигать прогресс, и объявило набор в первую женскую бригаду вагоновожатых, Чжан Минь записалась туда в первых рядах.

Видеть её живой, здоровой и такой же энергичной было для него истинным счастьем. Пользуясь тем, что в детском теле ему прощались любые нежности, мальчик крепко обнял её за шею.

— Договорились! Я всё-всё выучу, все твои хитрые приёмы перейму!

Чжан Минь ласково взъерошила его отросшие вихры.

— Ах ты жадина! Сразу за всё хватаешься, а ведь подавишься, глупыш.

— Всё я знаю! — упрямо буркнул Сяо Лан. — Но всё равно выучу. И дедушкино ремесло освою, и дядино!

При упоминании дяди Да Мина мальчик хитро прищурился.

— Сестра Минь-Минь, у тебя же до обратного рейса уйма времени. Пойдём к нам, чаю попьёшь с дороги!

Вообще-то в кабине всегда стоял термос, но Чжан Минь почему-то не стала отказываться. Она покладисто кивнула, заперла двери трамвая и зашагала вслед за вприпрыжку бегущим мальчуганом в сторону усадьбы Лао Ху.

То, что городские власти дотянули рельсы до самой Хуцзявани, было целиком заслугой легендарной печи Шэнлун-яо. Этот исполин из огнеупорного кирпича кормил всю округу и полностью оправдывал своё гордое имя.

По дороге Чжан Минь то и дело слышала обрывки разговоров: вагон забился под завязку именно потому, что сегодня на Шэнлун-яо вскрывали печь после великого обжига. Насколько она знала, руководил процессом её давний... знакомый, Ху Гуанмин.

Пока она витала в облаках, у моста через Малые Желтые Пески поднялся отчаянный крик.

Крепко схватив Сяо Лана за руку, Чжан Минь бросила тревожный взгляд на реку и прибавила шагу. Протолкнувшись сквозь взволнованную толпу, она замерла: из бурлящей воды, отфыркиваясь, выбирался мокрый до нитки Да Мин. На руках он бережно держал бледного, обмякшего подростка.

Зеваки тут же расступились, освобождая место на траве. Из толпы выбежал мужчина средних лет.

— Разойдись! Я фельдшер, помогу! — крикнул он.

Двое мужчин уложили захлебнувшегося мальчишку набок, пытаются освободить его лёгкие от воды.

Чжан Минь подошла ближе, не выпуская ладошку Сяо Лана.

— Да Мин, с ним есть кто-то из взрослых? — негромко спросила она.

Тот удивлённо зыркнул на неё, смахнул со лба мокрые пряди и хрипло выдохнул:

— Нет. Один он.

Чжан Минь нахмурилась, силясь вспомнить лица пассажиров.

— Точно! Я же его помню — он на конечной один садился. Любезные, — повысила она голос, обращаясь к обступившим их зевакам, — признаёт кто мальчишку? Из чьих он будет?

Набежавший люд лишь недоумённо переглядывался. Кто-то пожимал плечами, кто-то качал головой.

— Вроде в Южном городе его видал, — неуверенно буркнул пожилой мужчина в кепке. — Но чьих родом и где хата — бог весть.

— Тихо, без паники, — прервал их фельдшер, прослушивая дыхание спасённого. — Воды он хлебнул, но вовремя вытащили. Сердце ровно стучит. Очнётся с минуты на минуту, тогда сам всё расскажет.

— Да, верно, — кивнула Чжан Минь. — Не на сырой же земле ему лежать. Может, отнесём в тепло?

— Самое милое дело, — согласился фельдшер. — И сухую одежду бы раздобыть, а то застудит лёгкие.

— У моего дедушки полно сухих вещей! — звонко вставил Сяо Лан, потянув Чжан Минь за рукав. — И дом сразу за мостом, добежим в один миг!

— Да Мин, — негромко позвала Чжан Минь, и в её голосе скользнуло непривычное беспокойство. — Сам-то не железный. Беги сушиться.

Заметив этот мимолётный тёплый взгляд, великан Да Мин широко улыбнулся.

— Ерунда, Сяо Лан! На мне пахать можно. Я в крещенские морозы в прорубь сигал, а уж в такую благодать и подавно не раскисну.

Сяо Лан тихонько прыснул в кулак. И ведь тянет их друг к другу, так нет же — оба упёрлись

рогами, слова лишнего не вытянешь! Бедный дедушка из-за этого великовозрастного холостяка уже все локти искусал, боясь, что тот так и проживёт бобылём до седых волос. Ухватив дядю за мокрую полу куртки, а Чжан Минь — за сухую ладонь, мальчик решительно повёл процессию через мост.

Встретившая их на пороге бабушка всплеснула руками, едва завидев процессию.

— Господи пресвятой! Чей же это бедолага так оступился? Сердце кровью обливается смотреть на сиротинушку!

— Бабуль, мы пока не знаем! — на ходу пояснил Сяо Лан. — Он без сознания был. Очнётся — сам всё выложит.

— Так, я мигом! Пойду сундук поворошу, найду что-нибудь сухое, — засутилась старушка.

Пока бабушка возилась в спальне, Лао Ху сурово нахмурился и уставился на внука.

— А ты чего разбежался, негодник? Живо в дом! Тебе лежать велено, а не пороги обивать. Опять темя расшибить захотел?

Сяо Лан, почуяв неладное, юркнул за широкую спину вагоновожатой и высунул оттуда хитрую мордашку.

— Дедуль, ну я же знал, что сестра Минь-Минь приедет! Как не встретить?

Укрытие мальчик выбрал идеальное — старик души не чаял в Чжан Минь, а потому лишь безвредно заворчал.

— Эх, Минь-Минь, разбалуеть ты этого сорванца. Он же скоро на шею нам сядет и ножки свесит.

— Да ладно вам, дядя Ху, — улыбнулась девушка, приобнимая Сяо Лана за плечи. — Наш Сяо Лан — золотой ребёнок, всё он понимает.

Старик только вздохнул. Своего внука он любил без памяти, оттого и пёлся так сильно.

— Заходи в дом, дочка, не стой на пороге, — позвал он гостью, а затем обернулся к сыну, который застыл столбом, преданно пожирая глазами Чжан Минь. — А ты чего замер, как истукан деревянный? А ну бегом переодеваться, пока лихорадку не подхватил!

Да Мин густо покраснел до самых кончиков ушей, забормотал что-то невнятное и позорно

дезертировал в свою комнату.

Сяо Лан прыснул в кулак, давясь беззвучным смехом.

— Дядя Ху, я на кухню загляну, — засуетилась Чжан Минь. — Сварю Да Мину имбирного взвара, а то ведь простудится спасённый наш.

Старик довольно прищурился, и морщинки у его глаз разбежались лучиками.

— Вот спасибо, милая! Выручай парня.

Почувяв, что она предательски покраснела, Чжан Минь торопливо шмыгнула в сени, напрочь позабыв про крутившегося под ногами мальчишку.

Оставшись вдвоём, старик и внук переглянулись. На их физиономиях красовались абсолютно одинаковые, хитрые ухмылки.

— У-у, шельмец малолетний! — беззлобно пригрозил пальцем дед. — Всё-то ты примечаешь.

— А я ничего такого и не думаю! — невинно захлопал ресницами Сяо Лан.

— Так я тебе и поверил, лис хитроумный. Скажи-ка мне лучше... Хочешь, чтобы Минь-Минь стала твоей тётушкой?

Сяо Лан перестал притворяться и согласно закивал головой.

— Ещё как хочу! Она у нас мировая!

— Вот и ладно, — заговорщицки зашептал старик. — Тогда подсобляй деду. Сам видишь, у твоего дядьки язык как помело, когда не надо, а перед девкой — и двух слов связать не может.

— Заметано! — шёпотом, но твёрдо пообещал мальчик.

Скрепив этот тайный союз заговорщицким рукопожатием, они дружно зашагали в залу. Сяо Лан семенил следом за дедом, стараясь не отставать ни на шаг.

В эти благословенные годы люди ещё не растеряли душевной теплоты. Соседи и прохожие не спешили расходиться, переживая за судьбу бедного паренька. А фельдшер, насухо вытертый чужим полотенцем, и вовсе не отходил от постели, дожидаясь, пока пострадавший придёт в себя.

От этой искренней заботы на душе у Сяо Лана становилось тепло. В своей прошлой, взрослой жизни — будучи прожжённым журналистом — он навидался всякого. Он видел, как черствели сердца людей, как искренняя помощь сменялась равнодушным заглядыванием в экраны телефонов. Вернуться в эпоху, когда чужая беда не была пустым звуком, казалось ему величайшим даром небес.

Из раздумий его вывел тихий стон. Мальчик на кровати шевельнулся, затрепетал ресницами, и он медленно приоткрыл глаза. Смертельно бледный, он испуганно уставился на обступивших его незнакомцев.

— Где я?.. — еле слышно прошелестел он. — Вы кто?

Сяо Лан сделал шаг вперёд и мягко улыбнулся сверстнику.

— Не бойся, ты в безопасности. Ты в речке тонул, а мой дядя тебя вытащил. Вот этот доктор тебе воду из лёгких выгнал.

Мальчик смутился, но хорошее воспитание взяло верх. Преодолевая слабость, он приподнялся на локтях и вежливо кивнул фельдшеру.

— Спасибо вам большое... Извините, что доставил хлопот.

По манере держаться и правильной, чистой речи Сяо Лан сразу понял: паренёк из непростой семьи.

— А ты как в наших краях очутился? Один, что ли, приехал? — поинтересовался он.

Тот виновато опустил глаза и кивнул.

— У дедушки скоро юбилей. Он жить не может без старинного фарфора. Вот я и решил приехать в Хуцзявань, присмотреть что-нибудь особенное... Пошёл на мостик, засмотрелся на воду, голова закружилась — и вниз полетел. Глупо вышло.

— Ладно, дело прошлое, — приободрил его Сяо Лан. — Главное, что живой. Давай-ка набери своим домашним, пусть приедут за тобой.

При упоминании семьи спасённый паренёк заметно вздрогнул и весь как-то подобрался.

— Да... Хорошо. Ещё раз простите, что так обременяю вас.

Ему подкатили тумбочку с дисковым аппаратом. Мальчик дрожащими пальцами набрал номер.

Спустя пару гудков на том конце провода раздался сухой, леденящий душу голос.

— Слушаю. Что стряслось?

Паренёк сжался так, словно перед ним предстал сам дьявол. Косясь на свидетелей своей слабости, он, запинаясь, принялся лепетать оправдания. Выслушав сбивчивый рассказ о речке и спасении, невидимый собеседник обрубил разговор ледяным тоном.

— Жди там. Скоро буду.

Сяо Лан стоял у самого плеча спасённого и прекрасно слышал каждое слово, доносившееся из трубки. И то, что он услышал, повергло его в крайнее изумление. Человек, державший несчастного бедолагу в таком паническом страхе, обладал на удивление звонким, совсем детским голосом. Похоже, суровый «надзиратель» был моложе самого спасённого!

Сяо Лан мысленно поцокал языком.

«То ли этот парень редкий трус, — размышлял он, — то ли на том конце линии и впрямь сидит какой-то малолетний тиран... Интересно»

<http://bllate.org/book/20435/2116109>